

ставячы народную мову у аснове рэлігійнага пісьменства, робячы рэлігійныя творы больш зразумелымі [8, с. 7]. Калі ў XV ст. гэтыя працэсы толькі распачыналіся, то ў XVII ст., калі рабіліся рукапісныя копіі ЖФА М і В, дэмакратызацыя (праз белетрызацыю ў плане зместу і ўвядзення маўленчых рыс ў плане выражэння) свяшчэнных тэкстаў была цалкам натуральнай з’явай. Гэта тлумачыць вынікі параўнання тэкстаў па ступені праяўлення царкоўнаславянізмаў у марфалагічнай сістэме твора (15%), якія збліжаюць ЖАЧБ XV ст. больш з ЖФА М і В сярэдзіны XVII ст. (15% і 16% адпаведна), чым з ЖЕП таго ж XV ст (43%).

Літаратура

1. *Блінава Э.* Беларуская дыялекталогія. – Мінск, 1969.
2. *Бузук П.* Да характарыстыкі дыялектаў паўднёва-беларускіх і пераходных да ўкраінскіх // Беларуская лінгвістыка. – 1992. – № 40.
3. *Булыка А.* Беларуская мова канца XV – пачатку XVI стст. // Скарына і яго эпоха. – Мінск, 1990.
4. *Дыялекталагічны атлас беларускай мовы.* – Мінск, 1963.
5. *Запольская Н.* Лингвистическая рефлексия в культурно-языковых пространствах Slavia Orthodoxa и Slavia Latina: Сб. тез. II Междунар. конгресса исследователей русского языка “Русский язык: исторические судьбы и современность”. – Москва, 2004. // <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/files/sec/92.doc>
6. *Иванов В.* Историческая грамматика русского языка. – Москва, 1989.
7. *Карский Е.* Западнорусский сборник XV века Публичной библиотеки в С.-Петербурге Q.1. № 391 // Труды по белорусскому и другим славянским языкам. – Москва, 1962.
8. *Карский Е.* Западнорусские переводы псалтыри в XV – XVII веках / исследование Е.Ф. Карского. – Варшава, 1896.
9. *Янкоўскі Ф.* Гістарычная граматыка беларускай мовы. – Мінск, 1989.
10. *Szober S.* Gramatyka języka polskiego. – Warszawa, 1962.

И.Э. Ратникова, Лян Цзин

Сопоставительная фразеология русского и китайского языков в дидактическом аспекте

Неоспорим тот факт, что владение иностранным языком позволяет полнее познать язык, на котором человек говорит с детства. Однако нельзя не признать и полезность частных сведений о других языках для более глубокого понимания устройства и национальной самобытности языка родного. В данной публикации мы хотим поделиться опытом использования сведений о китайской фразеологии при изучении курса «Современный русский язык» в белорусской аудитории и продемонстрировать дидактический потенциал сопоставительной фразеологии в учебном процессе на филологическом факультете.

Фразеологизмы, языковые «заготовки», воспроизводимые в речи, по большей части имеют образную основу, в которой отображаются важные черты национального менталитета. Изучение фразеологического состава языка в контексте культуры – благодатная почва для выявления «культурных смыслов», т. е. информации о мировоззрении народа [1]. Так, ни в одном языке не обнаруживается аналога русской пословице *На миру и смерть красна* – это, предположительно, одна из иллюстраций такой традиционной черты русского национального сознания, как «соборность».

Национальное своеобразие мировосприятия той или иной этнокультурной общности коренится в образе жизни и психологии народа, отраженных в семантической структуре языковых знаков. Например, для русскоговорящих большое место в жизни (как физической, так и духовной) занимает хлеб, для китайцев же эта позиция связана с рисом. Такое национальное своеобразие в еде запечатлено также и во фразеологизмах: *хлеб всему голова; не лошадь ведет, а хлеб; хлеб насущный; зарабатывать на хлеб; 巧妇难为无米之炊* ‘даже хорошая хозяйка не может ничего приготовить без риса’ (о том, что для каждого дела нужна тщательная подготовка); *生米做成熟饭* ‘сырой рис уже сварен’ (о чем-то сделанном для достижения цели).

Показательны также примеры фразеологизмов, включающих имена числительные: *на седьмом небе, за семь верст киселя хлебать, семеро одного не ждут, семь бед – один ответ* и др. (*семь* – мистическое, священное число для славянских народов, важное для мифологической системы: семь богов древнерусского пантеона). А для китайского народа таким числом является *девять*. Китайцы «насчитывают» девять ярусов небес и восемнадцать (дважды девять) ярусов преисподней: *打入十八层地狱* (‘посадить кого-либо в восемнадцатый ярус преисподней’ – поставить в самое плохое, самое низкое положение); *九霄云外* (‘за девятым небом’ – очень далеко, очень высоко).

Чтобы заинтересовать студентов и активизировать их познавательную деятельность, на первой лекции по фразеологии им предлагается определить значение китайских фразеологизмов по внутренней форме (буквальному переводу) и привести русские аналоги, максимально приближенные к китайским единицам по образной основе. Благодатным в этом отношении материалом являются фразеологизмы, включающие названия животных: с одной стороны, эти фразеологизмы характеризуются сходной когнитивной основой (апелляция к эталону того или иного свойства человека), с другой – основаны на несовпадающих образах. Так, значение ‘трусость’ в русской фразеологии воплощается в образе *зайца* (*заячья душа*), а ‘беспокойство’ – *кошки* (*на душе кошки скребут*); в китайской наивной картине мира ‘трусость’ связана с образом *мыши* (*胆小如鼠 – желчный пузырь маленький, как у мыши*), ‘беспокойство’ – с образом *обезьяны* (*心猿意马 – в сердце мечутся обезьяны, в мыслях скачут кони*).

Характеристика плохого человека в обоих языках связана с образами *волка* и *змеи*: *狼心狗肺* – с волчьим сердцем и собачьими легкими (ср. волк в овечьей шкуре), *佛口蛇心* – букв. уста Будды и змеиное сердце (ср. змея подколотная) и т.п.

В дальнейшем этот вид работы находит продолжение на практических занятиях. Аудитории предлагается заполнить графы таблицы русскими фразеологизмами.

Китайские фразеологизмы	Русские фразеологизмы	
	с совпадающей или сходной образной основой	с иной образной основой
<p><i>惊弓之鸟</i> 'птица, пуганная луком' <i>井底之蛙</i> 'лягушка на дне колодца' <i>雨后春笋</i> 'как молодой бамбук после дождя' <i>对牛弹琴</i> 'играть на цитре перед быком' <i>螳臂挡车</i> 'богомол плечом задерживает колесницу' <i>枯木逢春</i> 'к сухому дереву пришла весна' <i>鹤立鸡群</i> 'словно журавль в курятнике' <i>沧海一粟</i> 'просяное зернышко в море' <i>天上掉馅饼</i> 'пирожки, падающие с неба' <i>花街柳巷</i> 'цветочная улица и ивовый переулок' <i>水性杨花</i> 'текучая вода и тополиный пух' и др. (примеры из [2] и [3]).</p>	<p>Для справок: <i>лезть на рожон</i>, <i>метать бисер перед свиньями</i>, <i>манна небесная</i>, <i>пуганая ворона куста боится</i>, <i>на голову выше других</i>, <i>ветер в голове</i>, <i>не видеть дальше своего носа</i>, <i>как грибы после дождя</i>, <i>улица красных фонарей</i>, <i>иголка в стоге сена</i>, <i>вернуться к жизни</i> и др.</p>	

По завершении работы с таблицей студенты делают вывод о том, что все фразеологизмы данной группы характеризуются образностью. Образность отвечает одной из основных тенденций развития языка – тенденции к экспрессивности речи. Говорящие обычно стремятся использовать язык не только для информационного обмена, они стремятся разнообразить речь, использовать средства языка не только для называния, но и для выражения отношения, оценки. А образность фразеологизма как раз отвечает этому стремлению придать речи экспрессивно-оценочную направленность.

Вторая мысль, к которой приходит аудитория, касается совпадения/сходства семантики и образной основы некоторых русских и китайских фразеологизмов. Студентов можно подвести к выводу, что существование фразеологических параллелей даже в генетически разных языках объясняется общностью жизненного опыта и отражающих его процессов мышления, общностью образных аналогий, устойчивых ассоциативных связей между логически не связанными явлениями.

В то же время в задании были приведены фразеологические единицы, которые не имели эквивалента в другом языке, – они особенно ярко

демонстрировали национально-культурную самобытность семантики русского и китайского языков. Ср.: 鹤发童颜 ‘журавлиные волосы, но младенческое лицо’ (о человеке, который в преклонные годы выглядит молодо); 青梅竹马 ‘зеленые сливы и бамбуковые лошадки’ (о детской непосредственности, детской дружбе); 望梅止渴 ‘утолять жажду, глядя издали на сливы’ (утешаться призрачными надеждами); 天女散花 ‘небесная дева осыпает цветами’ (пожелание счастья); 豆蔻含葩 ‘кардамон расцвел’ (о девушке, готовой к замужеству).

Такие примеры убеждают студентов в том, что фразеологический состав языка в первую очередь выражает особенности национальной истории и культуры. Так, длительное влияние буддизма и даосизма в китайском обществе запечатлелось в многочисленных безэквивалентных фразеологизмах: 大慈大悲 ‘великая доброта и большая скорбь’ (об отзывчивости и милосердии бодисаттв к людям); 普渡众生 ‘спасение всего сущего’ (о силе учения Будды); 清规戒律 ‘многочисленные ограничения в жизни буддийских монахов’ (о мелких ограничениях, излишнем педантизме); 借花献佛 ‘взять взаймы цветы для подношения Будде’ (о подарке, сделанном за чужой счет); 世外桃源 ‘персиковый источник на том свете’ (рай). Студентам предлагается привести примеры русских фразеологизмов, которые по происхождению связаны с язычеством древних славян и эпохой христианства (*не все кому масленица, семь пятниц на неделе, иерихонская труба, блудный сын, бог миловал* и т.п.).

Интерес студенческой аудитории вызывают также краткие сведения о китайской фразеологии как лингвистической дисциплине (она имеет отнюдь не такую долгую традицию, как фразеология русского языка). В середине XX в. китайские учёные использовали для обозначения фразеологии в «широком» (идиомы, пословицы, афоризмы и др.) и «узком» (идиомы) смысле термин 成语 (чэньюй) «готовое речение» (сегодня он чаще используется для обозначения идиом). Ср. определение чэньюй в современной китаистике: «Идиома – это по существу проницательное суждение, выработанное в процессе исторического развития и продолжительного периода передачи из поколения в поколение у каждого народа, которое приобретает фиксированную форму краткого высказывания с определенным значением» [5].

Позднее в научный обиход вошло понятие 熟语 (шуйюй) «готовое/знакомое речение» (употребляется как родовое наименование всех разновидностей фразеологизмов). Помимо этого используются термины 惯用语 (гуаньюньюй) «привычные выражения»; 歇后语 (сехоуэй) «речения с усеченной концовкой», или «недоговорки-иносказания»; 谚语 (яньюй) «пословицы», суюй 俗语

«просторечные выражения» (поговорки) и 格言 (гэянь) (афоризмы). В настоящее время в китайской фразеологии наиболее распространенной является классификация, предложенная Ма Гофанем и состоящая из пяти разрядов [см. 4]. На этапе изучения классификации фразеологизмов русского языка по семантической слитности компонентов, основы которой были заложены В.В. Виноградовым, студентам можно предложить установить соответствие между русскими и китайскими терминами (идиома – чэньюй; фразеологическое сочетание – гуаньюньюй; фразеологическим выражениям (термин Н.М. Шанского) соответствуют два класса китайских фразеологизмов по Ма Гофаню: пословица – яньюй; поговорка – суюй).

Термину «сехоуэй» («недоговорки») нет соответствия в русской классификации, поскольку он обозначает специфические для китайского языка и культуры единицы – двучленные предложения, в которых первая часть представляет собой иносказание, вторая – раскрытие иносказания [см. 6]. В речи недоговорки могут употребляться как в полной форме, так и в усеченной (только первая часть). При этом усеченная форма употребляется в том же значении, что и полная. Главным звеном недоговорки, создающим игру слов, является иносказание (первая часть), выполняющее экспрессивную коммуникативную функцию. Предложение, составляющее вторую часть, как правило, представляет собой фразеологическую единицу, существующую в языке вне недоговорки и до неё. Ср.: 当天一道裂 – 日月难过 ‘трещина поперек неба – солнцу и луне трудно перейти’ (о трудных временах); 隔鞋搔痒 – 摸不着痛处 ‘через ботинок чесать зудящее место – не доберешься туда, где чешется’ (о непонимании сути какого-либо вопроса).

Национальная специфика китайской фразеологии также ярко выражается в языковой форме (структуре). Наиболее распространенной моделью чэньюй являются параллельные конструкции, состоящие из пары двучленных звеньев. Параллелизм в чэньюй строится на грамматической, семантической и фонетической парности его компонентов. Например, 甜言蜜语 ‘сладкие слова, медовые речи’ – здесь оба двучленных звена имеют одну и ту же грамматическую структуру, оба компонента каждого звена выражены одними частями речи. Налицо и семантическая парность (синонимичные пары). В этом можно видеть проявление тенденции развития китайского языка – стремление к двухсложному слову и в целом к парности и симметрии в языке. Сехоуэй состоит из двух частей: первая из них представляет собой, как уже говорилось, иносказание, загадку, вторая – раскрытие иносказания, отгадку: 寒天喝冷水 – 点点在心头 ‘в морозный день пить студеную воду – каждая капля отдается в сердце’ (о чем-то западающем глубоко в душу); 老太太咬牙 – 忘了没了 ‘бабушка стискивает зубы – забыла, что нету’ (о чьей-либо забывчивости). Такая форма выражения мысли свидетельствует о том, что в традиционной китайской

культуре избегают прямо обсуждать или оценивать какие-то вопросы, принято выражать свое мнение завуалированно, стремясь к тому, чтобы собеседник сам понял суть дела, расшифровав загадку в сехоуюй, – тут отражается сдержанность как национальная черта характера.

Литература

1. *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методические проблемы фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – С. 13-25.
2. 中国成语大辞典. 1987 (Китайский фразеологический словарь).
3. 俄汉成语词典. 湖北: 湖北人民出版社. 1981. (Русско-китайский фразеологический словарь).
4. 黄伯荣, 廖序东. 现代谚语. 北京: 高教育出版社. 2004. (Huang Borong, Liao Xudong. Современный китайский язык).
5. 邵敬敏. 现代汉语通论. 上海: 上海教育出版社. 2001. (Shao Jingmin. Теория современного китайского языка).
6. 现代汉语歇后语用法小. – Москва, 2001. (Прядохин М.Г., Прядохина Л.И. Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка).